

ПЕРЕВОРОТ

Как-то в начале июля два приятеля сидели на берегу Катуня, прямо напротив Манжерокского порога. День был солнечный, выше по течению Катунь широко блестела, а ниже, сужаясь в шершавом горлышке скал, весело пенилась, образуя волны, воронки и прочие водные препятствия, именуемые порогом.

Костя, высокий нескладный парень, смотрел на рокочущую воду со священным трепетом – весла в руках никогда не держал. Второй, Данила, подставив солнцу мускулистый торс, разглядывал девчонку, загорающих на камешках. Вдруг Костя вскочил:

– Смотри, смотри, рафты идут!

– Да это туристы-матрасники развлекаются, – сказал Данила, но на реку всё-таки посмотрел. Как толстые бело-красные жуки, упавшие на спину и дрыгающие лапами, по Катуня двигались два рафта. В каждом сидело по десятку человек, не меньше.

– Видишь, они даже грести синхронно не могут, – продолжал Данила, – половина, как пить дать, сегодня первый раз весло видит.

– Как же их допустили?

– Как-как... Надоело на пляже валяться, пришёл в контору – их сейчас на каждой турбазе... Заплатил за так называемый двухчасовой сплав, пятиминутный инструктаж прослушал, бумажку об этом подписал, каску, спасжилет получил и вперёд! Ты посмотри, в первом рафте – шестеро гребут, а четверо, девчонки, просто в середине сидят. Ой, сейчас визгу будет! Ладно, Манжерок не сложный, а дальше – река гладкая – выловят.

– А сзади рафта – это кто?

– Не сзади, а на корме. Это главный страдалец – инструктор. Ему таких охладомов раза три в день дают, и он должен их несознательность как-то уравновешивать – переворачиваться-то не хочется...

– То есть они перевернуться могут?

– А то! Видишь, первый рафт правым бортом прямо под волну разворачивает, а второй-то, второй – разгоняется... Ой-ё! Они сейчас столкнутся.

Действительно, два рафта сошлись там, где пенистые волны бьют, казалось, со всех сторон. Второй рафт протаранил первый в левый борт, но сразу сдал назад – гребцы в нём, хоть и вразнобой, но сумели выполнить команду «Табань!». Зато первый

рафт окончательно развернулся правым бортом к волнам и, как в замедленном кино, начал переворачиваться через левый борт. В какой-то момент казалось – положение ещё можно спасти. Инструктор изо всех сил налёг на весло, пытаясь выставить судно носом к волне и, перекрывая грохот воды, зарорал во всё горло: «Гребём, суки!». Двое или трое отчаянно заработали вёслами, но остальные, особенно девчонки из середины рафта, уже безвольными тюфяками сыпались на левый борт, а лишённый веса правый борт поднимался над ними и вот – упал. Вокруг, как поплавки, показались каски – это начали всплывать горе-гребцы. Они кричали, причитали, матерились, теряли вёсла, в панике стремились к берегу, забыв, что плыть надо к рафту и цепляться за него. Кто-то, конечно, схватился за леера судна и попытался вскарабкаться через скользкий борт. Но инструктор, первым забравшись на перевернутый рафт, чуть ли не силком сбросил поднимающихся обратно в воду. Он ловко подцепил ручкой весла за леер на днище, встал в полный рост и, прыгнув всем весом на один из бортов, перевернул судно правильно. При этом те, кто цеплялся за рафт, опять оказались под ним...

– И что теперь с ними будет? – забеспокоился Костя.

– Подберут их, не бойся, – усмехнулся Данила, – главное, чтобы не нахлебались от страха. Вон, видишь, им навстречу катер береговой охраны вышел. Он тут в разгар сезона дежурит. Гляди, гляди, девчонку уже вытаскивают. Видишь ли, человек на жилете плывёт быстрее рафта. А вторая лодка – молодцы, худо-бедно преодолели порог. И первая почти всех собрала. Напьются ребятки сегодня! Да что Манжерок – «троечка» по категории сложности. Вот у меня «пятерка» была... На Чую...

– Ты не рассказывал, что сплавлился...

– Да что рассказывать, – Данила вздохнул, надел рубашку и отвернулся от реки, – я из-за этого рафтинга такую девчонку потерял!

– Как?!

– А вот так. Шли командой восемь человек на одном рафте, плюс каякер страховки. Все – люди бывалые, кроме неё... Иришки. Видел бы ты Ирочку в купальнике – фигурка литая, упругая. Со спортом дружила, но на рафтинг пошла первый раз. Видишь ли, Костя, на многодневные сплавы, где пороги и четвёртой, и пятой категории сложности, у некоторых турфирм та же политика: заплатил – вперёд! Собственно, по дороге на сплав мы и познакомились. Три года прошло – как сейчас помню. Иришка, глядя на Чую, так смешно глазами хлопала: «Ой, так вот это «бочка» называется, да? Когда волна закручивается? Ух ты! Воронка? «Поганка»?.. «Поганка», Костик, это когда вода, затянутая воронкой, выбрасывается рядом наплывом, похожим на шляпу гри-

ба. Глянь, перед Манжерком – «поганки» и воронки, они маленькие, нестрашные, а вот когда воронка во весь рафт...

– Вы в воронку угодили?

– Нет. Раз я уж начал рассказывать, слушай, не перебивай, – вздохнул Данила и продолжил, просеивая меж пальцев неровный крупный песок. – Тот порог был серьёзней некуда – «пятёрка», для туристов – предел сложности. Бегемот. Забавное название, правда? Никто не помнит, за что его так окрестили. Может, из-за того, что в третьей ступени порога, посередине реки, как зуб в пасти бегемота, торчит камень, похожий на клык. По «клыку» сразу видно, каков уровень воды. Если он полностью закрыт – вода высокая, идти очень опасно. Ещё одна узнаваемая примета Бегемота – деревянный мостик над самым узким местом. Собственно, под мостом – первая ступень порога: такой мощный слив, короткий, метра полтора, но почти отвесный. Если будешь когда-нибудь ехать по Чуйскому тракту, не поленись, выйди на семьсот шестьдесят первом километре, спустишься к Чуе, постоишь на этом мосту, а ещё лучше – ляг на него и посмотри вниз, как там вода кипит, бурлит... Через минуту голова кругом пойдёт. А на скалах, дружище, металлические таблички сияют с именами тех, кто погиб там... В память и в назидание всяким зелёным дуракам.

Мы, как положено, зачалились перед порогом и пошли просматривать его. Стоим на мостике, а под нами поток бушует! Вода высоченная – «клыка» почти не видно. Однако на предложение инструктора, а мог бы настоять, глядишь, до сих пор бы туристов катал... Короче, на разумное предложение обнести мост и войти за ним, минув эту коварную первую ступень, мы, глупые турики, ответили: «Деньги плачены не за обносы, а за экстрим! Пройдём всё!» Иришка, конечно, молчала, глазела на меня преданно, ещё пара человек вроде бы сомневалась, но потом решила. Каякер страховки, он-то профессионал, ему такие препятствия – дело обычное, скептически улыбнулся: «Ну-ну, давайте...» Каякер сопровождает группу как раз для того, чтобы в случае переворота собрать людей, оторвавшихся от рафта, которые, как ты сам видел, плывут на жилете быстрее лодки. И вот каякер основные препятствия Бегемота прошёл, красавец, и зачалился ниже, в улове, ждать нас.

И мы рванулись во все восемь вёсел... и зашли под мост криво, что я, сидя вторым по левому борту, увидел сразу, но сделать уже ничего не мог. Моё весло чётко по команде вонзилось в воду, весло правого загребного – тоже. А у сидящего передо мной левого загребного, который должен был заколоться в волну синхронно, весло ещё на девять часов показывает. Левый загребной не успел! Не успел... Мы, пять минут назад бившие себя в грудь,

элементарно не попали друг другу в такт! И врубился левым бортом вперёд, а не носом, как полагаются! Правый борт «закусило», а левый начало поднимать. Примерно как сейчас на Манжероке, только Бегемот не в пример жёстче. Я сделал отчаянную попытку перевесить свой борт – до предела отклонился влево, стараясь дотянуться до воды, – весло чиркнуло по воздуху. Тут же рафт поставило вертикально на правый борт, и все мы посыпались в воду, сталкиваясь друг с другом... А вода – сплошное кипящее месиво. У меня от удара вышибло весло. Кажется, передо мной мелькнуло Иришкино лицо, – она сидела на противоположном борту, но всё смешалось – вёсла, чьи-то руки, ноги, каски, и всё накрылось рафтом, как медным тазом. Единственное, что я успел сделать, – глубоко вдохнуть...

Скажу тебе, Костик, ощущение шокирующее, хотя бывал я в переворотах, бывал не раз, и за борт меня смывало. Но это был мега-переворот. Привыкнуть к такому, наверно, могут только профи. Представь, после яркого солнца, открытого воздуха, грохота порога погружение – это мгновенная слепота, теснота и глухота. Переход в иной мир, не иначе. Там человеку не место. Включаются иные чувства! Чувства... Слышишь, какими словами заговорил? Просто много раз этот миг вспоминал... Как бушующая вода протаскивает меня сквозь тесный, узкий ледяной чулок... Каску срывает с головы так, что лямка врезаётся в горло, уносит ногами вперёд. Это хорошо... Можно отталкиваться от камней... Всем телом, каждой клеточкой чувствую: стихия безразлична к человечку... Только спокойно! Потерял весло – надо просто терпеть, «котла» в Бегемоте нет, скоро выбросит на поверхность...

Выкинуло! Прежде чем вдохнуть, открываю глаза. Вовремя! Прямо в лицо – пенный гребень... Не-высокий, но нахлебаться хватит. Отворачиваюсь. Вдыхаю судорожно, быстро, немного – холодная вода сдавливает грудь и тут же снова утаскивает в глубину... Выталкивает опять... А силы тают! Не вижу ни рафта, ни каяка, ни Иришки, никого из экипажа. Только Чуя и я... Пару раз ударило по бедру – скользяще! Наверное, проскочил мимо «клыка»... И несёт меня прямо по центру реки, в главную «бочару». Прямо перед ней выныриваю и вижу: серое небо, левый берег и здоровенную мутную волну, нависающую над головой... И понимаю – вот сейчас всё может кончиться раз и навсегда. Я перестану быть. Я на грани небытия... Я падаю за эту грань... Я – щепочка в руках стихии.

Вся жизнь перед глазами не проходит, нет, точно могу сказать, гложет одна досадная тоска: «Неужели всё?». И, знаешь, как жить захотелось? Нечеловечески. И я просто запретил себе паниковать. Вдохнул, зачем-то закрыл глаза, и меня захлопнуло волной. Я не сопротивлялся, терпел... тянуло нога-

ми вперёд. Сгруппировался, чтобы оттолкнуться от камней, – в Чуе они выскакивают неожиданно близко к поверхности, не то, что в Катунь, она значительно глубже. Вдруг вспомнил Иришку, но тут же забыл... Казалось, тащило целую вечность, хотя на самом-то деле не больше минуты. Дышать хотелось невозможно, но я просто отключил мозг и терпел. И вот Чуя выплюнула меня, как косточку обсосанную...

Потом чуть не нахлебался в крайних волнах – рано обрадовался спасению. Подоспел каякер, наш ангел-хранитель, и отбуксировал к берегу. Знаешь, на корме каяка есть специальные ручки, за них берёшься, и тебя, как пойманную рыбку, тащат на сушу. И вот наконец-то под ногами устойчивая земля! Боже! Солнышко светит, воздух такой сладкий... Тёплый ветер в лицо, белая бабочка над водой... Верить ли, такая нахлынула полнота бытия! Ни до, ни после не чувствовал так остро – жизнь прекрасна! Я упал на траву, дышу, радуюсь и, поверишь ли,

думаю не про Иру, а про мамку свою думаю и сестрёнку младшую, они в это время на турбазе у Белого Бома отдыхали, совсем недалеко, а я, дурень, мог их никогда больше не увидеть!

– Ну а Ира? Инструктор? Они что, утонули?

– Ира-то? Ира молодец, сама выбралась, даже вёсла не потеряла. Кто бы мог подумать! Такая хрупкая девочка, а нашла в себе силы. После Чуи так пристрастилась к рафтингу – в соревнованиях участвует.

– Как же ты её потерял? – обескураженно переспросил Костя.

– А я в рафт больше ни ногой. Из-за этого и расстались. Инструктор, кстати, тоже с туристами больше не сплавляется. Сказал, надоело ему за безбашенных любителей отвечать. Спортивным рафтингом занялся. Видел его недавно с Иришкой, но она меня не узнала.

г. Омск

